

Сорокина Д. Д.
г. Москва, Россия

Н. Н. СТРАХОВ В 1840–1850-е гг.: ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Аннотация. Подступы Н. Н. Стрехова к литературной критике обнаруживаются в его прозе 1840–1850-х гг., а также в письмах тех лет. Анализ ранних литературных опытов Стрехова позволяет говорить о том, что уже на первом этапе его творчества были заложены те фундаментальные критерии оценки художественных произведений, которые в дальнейшем позволили трудам критика по праву занять видное место в истории русской литературы.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н.Н. Стрехов, литературная критика, романтизм, реализм.

Sorokina Daria D.
Moscow, Russia

N. N. STRAKHOV IN 1840s–1850s: FORMING LITERARY-CRITICAL VIEWS

Abstract. N. N. Strakhov's approach to the critical literary practice can be traced in his prose works and letters of 1840s–1850s. The analysis of his early literary works makes it possible to maintain that already at the first stage of Strakhov's creative career the fundamental estimation criteria of fiction writings were founded. Later they helped works by this critic take by right a prominent place in history of Russian literature.

Key words: the Russian literature of the XIX century, N. Strakhov, critical literary practice, romanticism, realism.

Отличительной чертой ранних литературно-художественных опытов Н. Н. Стрехова является их ярко выраженная критическая составляющая. Уже в 1840–1850-е гг. прослеживается формирование Стрехова как самобытного критика, своеобразие критического таланта которого в полной силе раскрылось в 1860–1880-х гг.

Формирование художественно-эстетических воззрений Н. Н. Стрехова пришлось на период бурной общественной жизни и напряженной идейной борьбы. 1840–1850-е гг. явились периодом интенсивного развития искусства, общественной и эстетической мысли в России. Русскими эстетиками в эти годы был выдвинут ряд проблем, требовавших немедленного осмысления. Остро встали вопросы о взаимоотношении русского и западного искусства, о специфике русской художественной культуры, об отношении искусства к действительности [см. 2, с. 10].

Литературно-критическая позиция молодого Стрехова складывалась во многом и под влиянием чтения русской и зарубежной литературы. Немалую

роль в становлении художественно-эстетической системы Страхова играла немецкая классическая философия, и, прежде всего, философия Гегеля.

Индивидуальные особенности таланта Страхова также во многом определили дальнейшее проявление критического начала в его раннем творчестве. Критическая доминанта в прозе Страхова 1840–1850-х гг. в значительной степени была обусловлена аналитическим складом его ума. Развитию природного таланта способствовало основательное естественнонаучное образование. Разбирая художественное произведение, Н. Н. Страхов и позже применял основы научного метода, а именно: четкость и строгость анализа, поиск объективной истины. Все это создавало глубоко индивидуальный, неповторимый стиль Страхова-критика.

Выработке эстетической позиции будущего критика способствовали и собственные попытки создания художественных произведений. Сохранились художественно-автобиографические опыты Н. Н. Страхова студенческих лет: повесть «По утрам» (1850), представляющая собой наибольший художественный интерес в ряду юношеских творческих попыток будущего критика, «Записки Демона» (1846–1848 гг.), а также небольшие фрагменты «Под арестом» (сер. 1840-х гг.), «Опыты» (1847–1850), «Записки Монте-Кристо» (1848), «Груша и Стратопович» (1849), «По праздникам» (1849), «Последний год студенчества» (1850–1851).

Потребность выразить свое мнение о прочитанных произведениях вылилась в ранней прозе Н. Н. Страхова в виде развернутых критических отступлений. Страхов уже в юности обладал уникальным умением чувствовать художественные достоинства литературных произведений и отличать подлинные шедевры. Эта способность критика с годами развилась до совершенства.

Тематика раннего творческого наследия Страхова свидетельствует о широте литературно-критических вопросов, к которым он обращался. При прочтении художественно-автобиографической прозы и писем Страхова 1840–1850-х гг. в хронологическом порядке хорошо видно, как от более простых вопросов будущий критик переходил к важным литературным и эстетическим проблемам.

Первые критические замечания Н. Н. Страхова находим в художественно-автобиографических зарисовках «Записки Демона». Одно из замечаний относится к театральной драме К. Д. Ефимовича «Владимир Заревский» (1846). Описывая впечатления от недавно виденной на сцене Александринского театра пьесы, Страхов так сформулировал свою оценку художественной стороны произведения: «Эта драма самая пустая, склеенная из избитых и избито изложенных эффектов. Тут есть и сумасшествие, и измена, и смерть изменившей, и самоубийство, и мать, ждущая сына, и старушка, ухаживающая за больною барышнею, и плут управитель, и дурак слуга и пр., и пр. Все есть, но нет драмы» [1].

Мастерству писателей молодой Страхов уделял пристальное внимание, пытаясь осмыслить их новаторство, место в русской и мировой литературе. Анализируя художественную форму произведения, будущий критик старался

выявить то, что составляло существенную силу того или иного писателя. В этом отношении весьма показательным является развернутое сравнение романов В. Скотта «Гай Маннеринг или Астролог» и М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в автобиографической повести Страхова «По утрам». Сравнивая художественное мастерство двух писателей, будущий критик пришел к выводу, что в романе «Гай Маннеринг» «глубокого художественного умения» он не нашел. «И странно для меня самого, – пишет молодой Страхов, – когда я, сравнив его, например, с “Героем нашего времени”, ставлю произведение Лермонтова далеко выше. А ведь известно, что Вальтер Скотт – всемирное имя, что поставить его в ряду имен Шекспира, Гете, Гомера нисколько не странно; и известно также, что Лермонтова называли молодым человеком, подававшим надежды. Между тем какая у него стройность, простота и единство создания. Далее этого художественность едва ли может простираться» [3, с. 383]. Отсюда видно, что Страхов уже в своей ранней прозе пытался решить важные проблемы эстетики, в частности, проблему художественности.

Интерес к философской проблематике художественных произведений занимал в раннем творческом наследии Н. Н. Страхова чрезвычайно большое место: это и вечные начала человеческой жизни, и поиски идеала, и жажда правды, и любовь к истине. В центре внимания Страхова оказывались и нравственные искания героев произведений. Характеризуя литературных персонажей, будущий критик пытался вскрыть духовные поиски самого автора, прояснить его жизненную позицию. В этом отношении вполне характерна оценка молодым Страховым творчества и жизненных взглядов М. Ю. Лермонтова, данная будущим критиком в повести «По утрам» на фоне лирики поэта и романа «Герой нашего времени». При всем восхищении талантом Лермонтова, видя в нем гениального художника и незаурядную личность, признавая в его сочинениях «изумительную силу искусства», Страхов, тем не менее, не находил в сочинениях поэта высокого нравственного идеала.

Антинигилистическая позиция Н. Н. Страхова определилась очень рано. С полной ясностью она проявилась уже в самом начале 1850-х гг. Огромную роль в этом играли философские взгляды Страхова: уже в молодости он был противником утилитарного взгляда на искусство, выступал с критикой механистического материализма и узко-эмпирического подхода к объяснению бытия.

Отношение молодого Страхова к проявлявшимся в начале 1850-х гг. нигилистическим тенденциям красноречиво и однозначно демонстрируют портреты двух эпизодических персонажей в повести «По утрам». Прогрессивно мыслящие молодые люди изображены в произведении не без авторской иронии: «Следя за умственными и нравственными движениями всего человечества, глубоко сочувствуя всем современным жизненным вопросам европейских народов, они явились пророками и мучениками новых идей, – говорит главный герой повести о двух своих знакомых, – на пышных площадях и в блистательных палатах, полных ликующей толпы, они с

содроганием и гневной скорбью слышали стоны изнывающих под цепями братьев и всюду видели роскошные пированья сильных над горами развалин и потоками крови. <...> Это были люди, оживляемые каким-то лихорадочным желанием высказывать свое неверие и смелые мысли. Их, казалось, вечно восхищала высота их понятий. О чем бы с ними не говорили, хоть об табаке, они непременно сведут речь на то, что они ни во что не веруют. <...> В них было столько наслаждения глубиной своих европейских идей и взглядов, они с таким усердием наперерыв старались высказать презрение или милостивое снисхождение ко всему родному, что я невольно применил к ним резкие стихи поэта: Им не понятна и смешна / Своя страна. Их ум развратен, / И совесть их прокажена!» [3, с. 386–387]. В последних строках этого отрывка прямо высказана мысль о любви к своему Отечеству, понимании оснований истоков русской национальной жизни, надежда на свою землю и вера в свой народ. Здесь же – смелое выступление против необоснованного восхищения идеями Запада – «совершенно чуждых и совершенно посторонних» для России. В повести «По утрам» впервые в творчестве Страхова поставлен вопрос о России как примере особого типа духовной жизни и самобытного развития.

Развитие истории русской литературы Страхов видел в освобождении от иностранных заимствований и постепенном приобретении самобытности в русском словесном творчестве. Повесть «По утрам» ясно показывает, что представления Страхова о постепенном росте национального самосознания, последовательном обретении русской литературой национального характера формировались уже на самом раннем этапе его творчества. Такому взгляду в значительной мере способствовала широкая эрудиция будущего критика, позволявшая ему на фоне богатого и обширного материала русской и западноевропейской романтической и реалистической литературы увидеть национальную специфику литературы русской. Появление такого самобытного таланта в русской культуре, как Гоголь, Страхов уже тогда определял как «непостижимое таинство русской силы» [3, с. 426]. А главную заслугу великого писателя будущий критик видел в том, что он «пошел спокойно по своей дороге», не допуская в свое творчество иностранные заимствования.

К проблеме народности, вопрос о которой в середине 1850-х гг. встал с новой силой и остротой, было обращено внимание молодого Страхова. «Я верю, что словесность – отражение ума народа, смысл того, что он делает» [3, с. 425], – в этих словах двадцатидвухлетнего Страхова заключена вера в необъятные творческие силы, заложенные в русском народе. Подтверждение могучей жизненной силы России молодой Страхов видел в таких талантах, как Ломоносов, Пушкин, Гоголь. В этом же утверждении находим зачатки будущих программных почвеннических мыслей критика об идее русской народности, нашедшей глубокое воплощение в творчестве крупнейших русских писателей, об органичности духовного развития нации, а также о том, что каждый писатель в той или иной мере является выразителем народного духа. По справедливому замечанию М. И. Щербаковой, «о

русской литературе, о русских писателях Страхов судил по их способности выразить правду о русском национальном характере» [4, с. 5].

Мысли о судьбе России, ее прошлом, настоящем и будущем всегда волновали Страхова. России, ее месте и роли во всемирной истории, особому типу русской духовной жизни будут посвящены выдающиеся труды критика. Открытый финал повести «По утрам» в определенном смысле стал отправной точкой в сторону поиска Страховым живых начал, нравственных и духовных основ русской жизни: «Моя мысль – об России, моя вечная дума!.. Думаю о том, что в ней так мне дорого и свято; думаю об этой необъятной массе людей, в которую проникает умственная жизнь. Чего нельзя ожидать от этих пробуждающихся миллионов? Можно ли не содрогнуться при мысли о силах и величии, которые когда-нибудь выскажет эта молодая, могучая, неисчислимая толпа?» [3, с. 425]. Из этих строк видно стремление Страхова познать сущность русского национального характера; здесь же рождается вера критика в особую духовную и историческую миссию России. В этом высказывании уже намечено и развитие национально-патриотической темы в творчестве Страхова.

Движение Страхова к пониманию реализма как одного из величайших достижений русской культуры видно уже в его ранних литературно-критических замечаниях. Этому во многом способствовало острое ощущение Страховым связи произведений искусства с национальной жизнью, историческими и социальными факторами.

Многообразие и глубина поднимаемых современной литературой вопросов, идейные споры, духовные искания, мировоззренческие конфликты, которые занимали русское общество и были напрямую связаны с особенностями культурно-исторического развития России, вырабатывали у Страхова отношение к реализму как к сложному явлению, позволявшему в рамках единого творческого метода сосуществовать многообразию его вариантов. Начиная со второй половины 1840-х гг. Страхов отдает явное предпочтение реалистическим произведениям над романтическими. Переход Страхова от романтизма к реализму ярко отразился в его собственных творческих попытках. Молодой автор пробовал создать художественные произведения, опираясь именно на реалистическую поэтику.

Из прозы, писем и дневника Страхова 1840–1850-х гг. видно, как внимание будущего критика от сентиментальной и романтической литературы все больше обращалось к литературе современной. Литературно-эстетические высказывания о недавно вышедших произведениях находим на страницах его ранней прозы. Так, в частности, в «Записках Демона» и повести «По утрам» содержатся замечания критического характера о поэзии А. Н. Плещеева, прозе Д. В. Григоровича.

Большую ценность в этом отношении представляет повесть «По утрам». На страницах произведения Страховым были сформулированы глубокие литературно-критические мысли, которые позже, усложняясь и углубляясь, нашли свое законченное выражение в программных работах критика: это и вопросы о народности и самобытности русской литературы, о развитии

русского искусства, о духовных и нравственных основах русской жизни, отношении к материализму и нигилизму, рассуждения о новаторском характере творчества Пушкина, о принципиальном значении повестей Гоголя для судеб русской литературы и др.

К концу 1850-х гг. уже успели сложиться главные черты мирозерцания и эстетических взглядов Н. Н. Стрхова. В напряженной атмосфере идейных исканий, которыми было проникнуто русское общество, сформировалась творческая индивидуальность будущего критика. Тогда же наметилась и стержневая проблематика его будущего литературно-критического и философского наследия. Таким образом, внушительный потенциал для развития литературно-критического таланта Н. Н. Стрхова был заложен в 1840–1850-х гг.

Список литературы

1. Стрхов, Н.Н. Записки Демона / Н.Н. Стрхов // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. – Ф. 1. – Ед. хр. № 5273.

2. Кантор, В.К. Русская эстетика середины XIX века: теория в контексте художественной культуры / В.К. Кантор, А.Л. Осповат // Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века / сост. В.К. Кантор. – Москва, 1982. – С. 7-41. – (История эстетики в памятниках и документах).

3. Стрхов, Н.Н. По утрам / Н.Н. Стрхов // Толстой и о Толстом : материалы и исслед. / РАН, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва, 2010. – Вып. 4. Материалы к комментариям / отв. ред. М.И. Щербакова. – С. 368-430.

4. Щербакова, М.И. «Радейте и не оскудевайте» : из переписки И.С. Аксакова и Н.Н. Стрхова / М.И. Щербакова // И.С. Аксаков – Н.Н. Стрхов : переписка / Группа славян. исслед. при Оттавском ун-те, Ин-т мировой лит. РАН ; сост. М.И. Щербакова. – Оттава ; Москва, 2007.

References

1. Strahov, N.N. Zapiski Demona / N.N. Strahov // Institut rukopisi Nacional'noj biblioteki Ukrainy im. V.I. Vernadskogo. – F. 1. – Ed. hr. № 5273.

2. Kantor, V.K. Russkaya ehstetika serediny XIX veka: teoriya v kontekste hudozhestvennoj kul'tury / V.K. Kantor, A.L. Ospovat // Russkaya ehstetika i kritika 40-50-h godov XIX veka / sost. V.K. Kantor. – Moskva, 1982. – S. 7-41. – (Istoriya ehstetiki v pamyatnikah i dokumentah).

3. Strahov, N.N. Po utram / N.N. Strahov // Tolstoj i o Tolstom : materialy i issled. / RAN, In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. – Moskva, 2010. – Vyp. 4. Materialy k kommentariyam / otv. red. M.I. SHCHerbakova. – S. 368-430.

4. SHCHerbakova, M.I. «Radejte i ne oskudevajte» : iz perepiski I.S. Aksakova i N.N. Strhova / M.I. SHCHerbakova // I.S. Aksakov – N.N. Strahov : perepiska / Gruppy slavyan. issled. pri Ottavskom un-te, In-t mirovoj lit. RAN ; sost. M.I. SHCHerbakova. – Ottava ; Moskva, 2007.